

УДК 128:62 (045)

*А.С. Ворончихин***«...СУЩНОСТЬ ТЕХНИКИ ВОВСЕ НЕ ЕСТЬ ЧТО-ТО ТЕХНИЧЕСКОЕ...»***

В статье рассматривается вопрос о мертвой, бездушной машинной технике, которая изначально содержит в себе некие анонимные, зловещие силы, отрицательно влияющие на внутренний мир человека. Несмотря на то, что техника составляет основу производительной силы общества и является благом, автор полагает, что в настоящее время техника перестала быть лично ориентированной. В ее основе лежит наука, отличающаяся строгой объективностью и точностью. Опираясь на исследования М. Хайдеггера, Н. Бердяева, автор делает вывод о необходимости сохранения человека как «образа и подобия божьего». В отличие от современного состояния человека как «образа и подобия машины». Для переоценки понятия машинности человека требуется обратиться к древнегреческому истоку понимания техники. Этимология слова «техника» указывает на умение, искусство выражать самого себя через какую-либо деятельность. В таком подходе заложена и реализована гуманистическая система ценностей, направленная на преодоление зависимости от обезличивающих факторов, на устранение состояния покорности, некритического восприятия.

Ключевые слова: техника, прогресс, наука, абсолютная ценность, массовая культура, вера, субъект, принцип, субъективность, объективность, содержание, сущность.

Под словом “*techné*” древние греки подразумевали умение, мастерство, искусство. Все формы деятельности у них, так или иначе, были связаны с техникой: техника мышления, техника ведения переговоров, техника изложения и формирования взглядов и идей, техника законотворчества, техника массового внушения и т. д. и т. п. То есть техника – это основной способ самореализации человека. Она является целью и смыслом для древнего грека, поскольку техника – это и радость от собственно, индивидуального созидания, условие его полноценного существования.

Поэтому некорректно применять в данном случае критерий объективной истины, судить о точности, обоснованности того или иного действия (суждения), здесь невозможна опытная проверка и именно потому, что в основе лежит **принцип субъективности**. Этот принцип должен был в идеале, как широкая магистраль, протянуться в далекое будущее.

Действительность, однако, оказалась намного сложнее. В связи с процессами механизации, появилось совершенно другое, несовместимое с предыдущим гуманистическим пониманием, восприятие техники, а именно, как совокупности искусственных устройств, то есть бездушных, мертвых машин, призванных изменить, преобразовать **объективный мир**. Представление о технике перестало быть лично ориентированным, поскольку основывалось уже не на человеческой мудрости, не на гуманизме, не на творческом начале, как это было у древних греков. Теперь техника стала создаваться и реализовываться по объективному принципу, поскольку в основе машинной техники лежит наука, которая характеризуется строгой объективностью, математической точностью.

Точность эту необходимо понимать в двух смыслах: а) как точность вычислений (количественный аспект), и б) как точность языковых выражений этих вычислений (аспект качественный). В обоих этих случаях, не может быть и речи о личном восприятии, об особенностях внутреннего уникального мира личности, об его настроениях, чувствах.

Включение машинной техники, новых технических изобретений в процесс производства значительно облегчило последний и повысило его отдачу. И в этом плане каждый следующий шаг в совершенствовании машинной техники, в конечном счете, воспринимается как благо. Но машинная техника уже изначально содержала в себе зловещие, до поры до времени дремлющие силы, оказывающие разрушающее воздействие на внутренний мир человека, чего мы сегодня не в силах избежать. И что особенно печально, они, эти силы, нередко носят непредсказуемый характер.

Искусственно созданные машины, доведенные до совершенства, образовали своеобразную техногенную сферу, которая постепенно вытесняет сферу природную, и которая сковывает духовную энергию, ограничивает человеческую самодеятельность, подавляет индивидуальность и свободу человека. Например, в век высоких скоростей человеку некогда не только читать, но и вести дневники, писать письма, что является важной формой творческого самосовершенствования; он ведет диалог на

* Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика. 1993.

скоротечном, сухом «телефонном языке», в котором первостепенное значение имеет констатация фактов. Освободившееся же свободное время тратит не на обогащение своей духовной жизни, а, например, на совершенствование игры на финансовой бирже, в казино и т.п. Он перестает размышлять о своем «Я», о смысле собственной жизни, о Вечности, об Абсолютных ценностях. То есть он игнорирует процесс самопознания, заданный заповедью Сократа: «Познай самого себя». Получается, что его свобода, полученная от использования машинной техники, мнимая, иллюзорная, а не подлинная. То же самое можно было бы сказать об интернете, который отвлекает человека от самого себя, выхлещивает в нем гуманистические начала, подталкивает его в болото соблазнительных модных вещей и наслаждений. Французский социолог и философ Ж. Эллюль еще в середине XX века говорил, что техника окружила нас со всех сторон, используя очень удачное, на наш взгляд, выражение: человек «поймался, подобно мухе в бутылке». А в работе «Другая революция» он пишет: «Техника окружает нас как сплошной кокон без просветов, делающий природу совершенно бесполезной, покорной, вторичной, малозначительной» [3. С. 147].

Само по себе, сказанное социологом не является чем-то новым. Еще К. Маркс писал, что повышение меры господства над природой, которое возможно лишь на основе новой техники, приводит к опустошению самого человека; научно-технический прогресс – это покушение на фундаментальные ценности и независимость. Он навязывает человеку определенный тип поведения через анонимные, бездушные силы. То есть в технике имеются не только возможности полезного, но и возможности губительных последствий её использования.

Поклонение машинной технике – это неразумная мода современного человека. По сути, зародилось новое мировоззрение, основанное на признании гегемонии техники в жизни человека, на признании ее особой, абсолютной значимости, ее безграничных возможностей. Но даже в случаях, когда прогресс машинной техники одновременно является и благом, это нередко приводит к тяжелым душевным переживаниям. В прошлом веке ученые с помощью новейших технических приспособлений стали осуществлять пересадки внутренних органов. Вслед за этим появились торговцы человеческими органами. Следует признать, что подобные примеры, независимо от субъективных желаний, отражают реальные противоречия машинной техники. Эти противоречия должны решаться не путем выбора: или признание, или отрицание машинной техники, а устранением причин аморального, по сути преступного использования достижений науки и техники. Быть нравственным значит быть ответственным не только перед нынешним, но и будущими поколениями, ответственным перед Вечностью, таким, каким был академик А.Д. Сахаров, создавший водородную бомбу, а затем выступивший против использования своего детища в военных целях. Своим поступком он показал, что даже при наличии внешнего принуждения, неволи, насилия остается свобода выбора. Его поступок – это пример гражданской ответственности не только перед своей страной, но и перед всем миром.

Но можно привести и другой пример, когда известный ученый Ферми, настоятельно рекомендовал президенту США сбросить атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки, что привело, как мы знаем, к ужасным последствиям. Этот ученый снял с себя моральную ответственность за результаты своей научно-исследовательской деятельности и поставил на первое место сиюминутные интересы государства, не задумываясь над тем, что эти интересы не являются исторически необходимыми, поскольку вносят дисгармонию между справедливостью целых народов и волей отдельных государств и отдельных ученых. Не случайно этика выдвигает двуединый критерий в оценке научных работников: объективные результаты и воздействие этих объективных результатов на судьбу человека. Для одних Ферми – это великий ученый, для других – человек, по воле которого погибли тысячи невинных людей. *Отсюда вытекает важный вывод: ученый, глубоко проникший в тайны материи, но игнорирующий вечные ценности, опасен для общества. Сознание ученого, не встревоженное возможными последствиями своего открытия, не всегда способно к добру и справедливости. Не случайно, этическое обоснование того или иного исследования должно предшествовать его научному обоснованию, его целесообразности.*

Между тем, прежде всего именно в таких ученых, в ученых типа Ферми, и нуждается любое современное государство. Оно предоставляет им материальную базу, отмечает высокими правительственными и иными наградами, засекречивает их, подчеркивая тем самым их мнимое превосходство. Гуманитарии – это люди, которые ориентированы на жизнь, на развитие индивида, его личности, но они не всегда заслуживают пристального внимания со стороны властей. Более того, государство, в ущерб так называемым вечным ценностям не всегда терпимо относится к результатам их изысканий.

Это, прежде всего, интересы в сфере свободы, справедливости, равенства и неравенства, существования и жизни.

Но свободные философские обсуждения, например, на политические темы, предпочтительнее безразличия. Это дает возможность гражданину выбирать из множества вариантов один, наиболее соответствующий его интересам, выражать свои взгляды, не боясь репрессий со стороны государства. И, наконец, позволяет гражданину творить свои личные качества. Ведь формирование самого себя – это дело, прежде всего, самого человека; личность – не пассивно-страдательное существо, по своей сущности она внутренне активна. Она в состоянии целенаправленно изменить самого себя, «выскочить» из совокупности социальных отношений и оказать обратное воздействие на общество. Успешность «делаения самого себя» (Ж.-П. Сартр) определяется тем, насколько глубоко человек, как личность, вник в классические поэтические, этические, философские, политические тексты. Насколько он развил в себе божьи творческие начала и обуздал животные страсти. Чтение классиков, схватывание сути текста, его Высшего смысла является самым благородным занятием мыслящего человека. Человек толпы нередко тоже приобщается к литературе, но только к «книгам зловонным» (О. Шпенглер), которые не имеют никакой созидательной отдачи, что не позволяет человеку выйти из этой самой толпы. Это идет вразрез с моралью, нравственностью, с интересами мыслящей личности.

К несчастью, некоторые из тех, кто работает над созданием новой машинной техники, потеряли фундаментальные ценностные ориентиры. Они не сформировали в себе ответственность, не определились с вопросом о разумности или неразумности своей деятельности. Они впали в иллюзию, будто научные, или, что одно и то же, технические знания более значимы, чем гуманитарные, не учитывая, что наука и техника приводят к оскудению человеческих качеств, прежде всего духовных, к изменению восприятия человеком внешнего мира и самого себя. Это приводит к господству не света (свет олицетворяет божественное, духовное начало), но тьмы (тьма олицетворяет материальное, дьявольское, то есть природное начало).

Важно отметить, что отрицательную роль в формировании нравственного здоровья ученых играет ореол секретности, особенно в сфере военной науки. Их поведение начинает определяться сугубо техническими ценностями, тогда как определяющими являются ценности духовные, этические. Необходимо каждому изменить образ мышления, вектор намерений и содержание имеющихся идей. Это касается всех и каждого: от руководителей государств, корпораций, международных организаций до самых простых рядовых граждан, которых непросвещенность, отсутствие образования, предрассудки, вынуждают преувеличивать значение техники в современном мире.

К несчастью, машинная техника и наука, доведенные до совершенства, приобрели угрожающие масштабы, они уподобились чудовищу, от которого невозможно укрыться. Некоторые философы используют очень удачное, на наш взгляд, выражение «демонизм техники», выражающее символ злого, непредсказуемого начала. Нужно всегда помнить яркое и вместе с тем художественное сравнение итальянского философа 20 века Микеле Федерико Шацца о том, что наука – это Минотавр, чудовище, которое рано или поздно пожрет дух народа. Человеку трудно устоять перед натиском этого монстра, когда от ученых требуют все новых и новых технических устройств.

Это и понятно, современный мир – это, прежде всего, мир науки и порожденных ею машин. Ежегодно их производится миллионы разновидностей, которые в совокупности составляют искусственный техногенный вид популяции. И темпы прогресса техники постоянно увеличиваются. Человек выпал из того естественного, привычного для него мира, из своего дома, в котором сам когда-то учредил систему смыслов, норм и ценностей. Специалисты хорошо знают образное высказывание Л. Витгенштейна о том, что стены жизненного пространства (дома) заканчиваются там, где заканчиваются возможности языка: «границы моего языка суть границы моего мира». Но стены этого дома рухнули под ударами технического прогресса. Человек оказался в состоянии бездомности. Теперь не человек, а техника диктует нормы и правила поведения. Это означает утрату человеком своего дома, поскольку теряются признаки дома: уют, безопасность, чувство собственного достоинства; утрачивается главное – естественный человеческий язык, который заменяется холодными научными терминами. Эта проблема присутствует в мироощущении подавляющего большинства философов, занимающихся проблематикой «человека и техники». Все сходятся на том, что человек в условиях бездомности не живет, а существует. В крылатом выражении «не живем, а существуем» как раз обнаруживается различие между подлинной жизнью и серым, заурядным, бессмысленным существованием.

М. Хайдеггер отмечает, что человек в среде искусственных вещей сам себя начал считать вещью, которая механически, то есть бездушно, выполняет те или иные функции. Он напоминает, что в философии Р. Декарта человек так и называется – «вещь мыслящая». Теряются доблесть, достоинство, добропорядочность, сопереживание, сочувствие, поскольку, по словам Н. Бердяева, «...исчезает сердце как целостный и центральный орган человеческого существа, как носитель человеческих качеств» [1. С. 327].

Да и сам ученый превратился в простого носителя информации, в некую вычислительную машину. Упрекнуть здесь нужно, прежде всего, самого человека, выбравшего этот путь. «Человек, не пожелавший стать образом и подобием Божьим, делается образом и подобием машины» [1. С. 324]. Ученые явно недооценили значимость философии, этики, морали и переоценили ценность научной объективности. И хотя известный американский писатель-фантаст Айзек Азимов свой роман «Сами боги» начинает с посвящения: «Человечеству в надежде, что война с безрассудством все-таки будет выиграна», пока все наоборот – *мир ускоренно движется к своей гибели*.

Этому способствует ряд дезориентирующих обстоятельств, усложняющих и запутывающих бытие современных людей, упрощающих сознание и подавляющих свободу личности. Первое – это массовая культура, которая не нуждается в мыслящих личностях и которая сама является порождением научно-технического прогресса. Человек, утонувший в массовой, поверхностной культуре – это духовный раб, существующий в раз и навсегда заданном режиме: он занимается тем, чем занимаются другие, он думает так, как думают другие, он пребывает так, как пребывают другие; он не принимает самостоятельных решений, не выбирает свой собственный путь. Он находится вне своей индивидуальности, в состоянии глубокого небытия.

Быть человеком, говорил Ф. Ницше, – это значит постоянно балансировать над пропастью, вглядываясь в неисчерпаемую бездну внутри себя; это пропасть, которая существует между мной и моим собственным бытием, между сущностью и существованием. Надо иметь мужество и волю, желание стать тем, кем ты должен быть, несмотря на соблазны и искушения, предоставляемые современной цивилизацией. У каждого есть выбор из двух альтернатив: оставить все как есть, или же найти и реализовать свою сущность, свою индивидуальность, чтобы уклониться от власти эмпирических, в некоторых случаях крайне нежелательных обстоятельств.

Можно возразить, что юридические предписания тоже удерживают человека от безнравственных поступков. Эту очевидность надо всячески подчеркивать: писанные законы – это большое завоевание человечества, большая ценность. Они проводятся в жизнь, жестко санкционируются специальными учреждениями, но право – это в большей мере внешний регулятор. Высшей же ценностью являются внутренние, возвышенные правила, неписанные божьи законы, то есть законы совести, в которых и сокрыта истина.

Второе обстоятельство – это «слепая вера», которая своей фанатичностью губит самостоятельность и свободу мышления. Вера – это низший уровень сознания, в ней преобладают стереотипы. Слепо верующий легко отказывается от сомнения и критики. Никакие вопросы, никакие ситуации не озадачивают верующего, поскольку у него уже есть готовые ответы. Признаком мыслящего человека является состояние сомнения, а не слепой веры. Вера без знаний не была и никогда не будет украшением философии, для которой характерны внимательность, осторожность, критичность, рефлексия.

В этой связи заметим, что задачей вузовского образования является выработка *техники самостоятельного мышления*, техники в том смысле, в котором её понимали древние греки. Необходимо стимулировать студента на волнующие его жизненные вопросы, на критическое отношение к использованию любого, в том числе, научного знания, на независимость в своих суждениях. Но все это невозможно вне философии. Вот и получается, что в основе современного и воспитания, и образования лежат гуманитарные знания и, прежде всего, философские; они являются элитарным инструментом реализации человеческого в человеке – стремления к свободе.

Через институты диспутов, логических, аргументированных споров студент постепенно общается к свободомыслию. Мы должны помочь ему развить внутреннюю *потребность* в напряженном уяснении Истины и определить свое поведение не только в повседневной, обыденной жизни, но и в будущей профессиональной деятельности. Особенно в анализе последствий этой самой деятельности, который целиком определяется тем, насколько он овладел *общеобязательными* знаниями, что такое «хорошо» и что такое «плохо», в чем природа добра и зла, что такое доблесть, честь, справедливость, что есть ответственность и многое другое. Это вопросы, которые не могут устареть. Именно на них формируется нравственное здоровье, в том числе, и будущих ученых, и будущих политиков.

Что же касается научно-технических знаний, они не общеобязательны, или, как однажды удачно выразился М. Хайдеггер, «они не являются безусловно необходимыми». Речь идет о том, что без овладения общеобязательными знаниями ученый будет неполноценным, ущербным гражданином, готовым выполнить любой заказ, который может быть использован против человека и человечества. Именно в нехватке граждан, заботящихся об общем благе, о будущем человечества, состоит проблема современного общества.

Не в науке и не в технике Великий Смысл Бытия; его поисками вдохновлена философия. В этом многовековом движении философы создают вечные, совершенные, но незавершенные тексты, которые имеют непреходящее значение. Совершенство этих текстов состоит не только в содержании, но и в том, что читателю предоставлена принципиальная возможность договорить за автора.

Однако вернемся к словам М. Хайдеггера: «...сущность техники вовсе не есть что-то техническое» [2. С. 221], вынесенным в заглавие данной статьи, и договорим за автора: сущность машинной техники есть нечто более значительное, чем сама техника; она есть абстрактная, ускользающая от взора, некая конструкция, общая для всей техники. Ее нельзя измерить, взвесить, потрогать, она есть данность, не зависящая от социально-политических, экономических и иных отношений. И этим она опасна для внутреннего мира современного человека.

Подлинный анализ сущности техники возможен лишь над-научными, то есть философскими методами. Без такого подхода ученый не в состоянии дать рекомендации по разрешению ни одного значимого вопроса, связанного с современной научно-технической революцией.

Говоря же о машинной технике, отвлекаясь от ее сущности, мы имеем в виду тоже общее, но общее конкретное, то есть ее содержание (скорость операций компьютера, высота полета истребителя, разрешающая способность микроскопа). Но это уже сугубо научно-технические вопросы. Здесь речь идет о разрушающей силе техники в другом аспекте, в аспекте физического выживания человека. В мире накопилось столько военной техники, что с её помощью можно уничтожит человечество несколько раз.

Но в любом случае ясно одно: вопрос о машинной технике напрямую связан с вопросом о будущей судьбе человека. Выигрывает ли человек и человечество от развития машинной техники? Является ли прогресс машинной техники одновременно и прогрессом человечества? Машины – это благо или зло? Что же более ценно и важно, личная индивидуальность или безликая техника? «Ставится вопрос о том, будет ли то существо, которому принадлежит будущее, по-прежнему называться человеком» [1. С. 324]. Может это существо искренне сказать себе, чего в нем больше: божьего, то есть собственно человеческого, или же сугубо машинного, то есть дьявольского?

Какими бы сложными не казались эти вопросы, ответ очевиден: самая большая ценность – это человек, а самая большая задача – это сохранение его как уникального единства биологического и духовного существа. А решить эту задачу возможно лишь при максимальном развитии другой техники, техники, которая была определена М. Хайдеггером «корневым, человеческим началом», а древними греками как «искусство», искусство выражения своего собственного «Я». Такой подход вряд ли снимет существующие противоречия между многочисленными сторонниками неизмеримого развития машинной техники и их противниками, но, может быть, кое-кому из нынешних мировых политиков и научных работников, инженеров и техников позволит по-новому осмыслить давно существующие, крайне опасные тенденции, связанные именно с развитием машинной техники.

* * *

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. Мыслители XX века. М.: Изд-во «Республика». 1994.

2. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика. 1993.

3. Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 147-152.

Поступила в редакцию 22.02.17

A.S. Voronchikhin

“THE ESSENCE OF TECHNIQUE IS NOT SOMETHING TECHNICAL”

The article argues the negative influence of a dead, soulless machine technique, which initially contains some anonymous, sinister forces that affects the man inner world. Despite the fact that technology is the good and the basis of

the productive forces of society, the author believes that the current technique isn't personally oriented. It is based on science that is characterized by strict objectivity and accuracy.

Based on the studies of M. Heidegger, N. Berdyaev, in contrast to the modern human condition as "the image and likeness of machine", the author concludes that there is necessity to save man as "the image and likeness of God". For the revaluation of a concept of "machine-like man" the author turns to the ancient Greek understanding of technique. The etymology of the word "technique" refers to the ability, the art of expressing oneself through any activity. This approach allows to realize the humanistic value system aimed at overcoming depersonalizing factors, elimination of the state of obedience, uncritical acceptance.

Keywords: technology, progress, science, absolute value, mass culture, faith, subject, principle, subjectivity, objectivity, content, essence.

Ворончихин Александр Сергеевич,
кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры
философии и гуманитарных дисциплин
Института истории и социологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)

Voronchikhin A.S.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of philosophy and humanities
of Institute of History and Sociology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034